

УДК 128

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-505-515>

EDN: XARAOК

Поступила: 15.02.2024

Принята: 29.07.2024

Опубликована: 27.12.2024

СПАСТИ СИЗИФА И НЕ ПОПАСТЬ В КАМЕРУ СЧАСТЬЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

Лохов Сергей Александрович, Мамченков Дмитрий Валерьевич

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (Москва)

Статья раскрывает антиномию, возникающую в современных натуралистских дискуссиях по вопросу о смысле жизни. Нигилизм, супранатурализм и натурализм — три основных подхода, в рамках которых развивается философская дискуссия о проблеме смысла жизни в XXI в. Натурализм, самая популярная версия, предполагает, что ответ на вопрос о смысле жизни сочетает в себе три несовместимых друг с другом характеристики: объективность, имманентность и свободное принятие (недетерминированность). Демонстрируется, что крайние натуралистические подходы, провозглашающие субъективизм, трансцендентность или детерминизм неизбежно ведут к противоречию. В то же время любая из существующих материалистических концепций вынуждена либо принять эти характеристики, либо допустить абсурдное решение, что иллюстрируется мысленным экспериментом «Спасти Сизифа». Что могли бы философы предложить Сизифу — олицетворению бессмысленного труда — в качестве смысла жизни? Другая крайность, возникающая при субъективизации смысла жизни, демонстрируется в мысленном эксперименте «Камера счастья»: есть ли что-то, способное удержать человека от стремления попасть в установку, напрямую стимулирующую мозговые центры удовольствия неограниченно долгое время? Единственным продуктивным решением данной проблемы является смещение внимания натурализма со «смысла жизни» на «цель жизни». Человек самостоятельно и свободно формирует цель своей жизни, но в то же время она становится объективной по мере ее реализации. Применимость такого подхода иллюстрируется еще одним мысленным экспериментом «e2-e4»: отдельный ход шахматной партии вполне может иметь свою цель, и эта цель будет становиться все более реальной по мере разворачивания замысла игрока. При этом сама игра в шахматы, согласно сущности любой игры, является бессмысленной.

Ключевые слова: смысл жизни, цель жизни, Сизиф, натурализм, супранатурализм, нигилизм, абсурд.

Для цитирования:

Лохов С.А., Мамченков Д.В. Спасти Сизифа и не попасть в Камеру счастья: современные дискуссии о смысле жизни // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 4. С. 505–515. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-505-515>. EDN: XARAOК

TO SAVE SISYPHUS AND AVOID THE HAPPINESS WARD: MODERN DISCUSSIONS ON THE MEANING OF LIFE

Sergey A. Lokhov, Dmitry V. Mamchenkov

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (Moscow)

The article reveals the antinomy arising in modern naturalistic discussions on the meaning of life. Nihilism, supranaturalism, and naturalism are the three main approaches within which the philosophical discussion about the meaning of life develops in the 21st century. Naturalism, being the most popular version, assumes that the answer to the question of the meaning of life combines three incompatible characteristics: objectivity, immanence, and free acceptance (non-determinism). The paper demonstrates contradiction resulting from extreme naturalistic approaches proclaiming subjectivism, transcendence, or determinism. At the same time, any of the existing materialistic concepts is forced either to accept these characteristics or to assume an absurd solution, which is illustrated by the thought experiment «Save Sisyphus». What could philosophers offer Sisyphus, being the personification of meaningless labor, as the meaning of life? The other extreme, which arises when subjectivizing the meaning of life, is demonstrated in the «Happiness Ward» thought experiment: is there anything that can keep a person from striving to get into an installation that directly stimulates the brain pleasure centers for an indefinitely long time? The only productive solution to this problem is to shift the focus of naturalism from the «meaning of life» to the «purpose of life». A person independently and freely forms the purpose of his life, but, at the same time, the purpose becomes objective as it is realized. The applicability of this approach is illustrated by another thought experiment e2-e4: a single chess move may have its own goal, and this purpose will become more and more real as the player's plan unfolds. At the same time, the game of chess itself, according to the essence of any game, is meaningless.

Keywords: the meaning of life, the purpose of life, Sisyphus, naturalism, supranaturalism, nihilism, absurdity.

To cite:

Lokhov S.A., Mamchenkov D.V. [To save Sisyphus and avoid the Happiness Ward: modern discussions on the meaning of life]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 4, pp. 505–515 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-505-515>. EDN: XARAOK

Введение

«Вечный философский вопрос» о смысле жизни оказывается как нельзя более актуальным в современном обществе [Hosseini R., 2015, p. 1]. Чем больший прагматизм провозглашается, чем выше уровень удовлетворения материальных потребностей в развитых странах, тем актуальнее запрос о смысле жизни. Действительно, в бедных, развивающихся странах вопрос о смысле не встает, т.к. он очевиден — выжить и обеспечить минимальный уровень комфорта себе и своим детям. В развитых же странах уже с детского возраста приходит осознание гаранти-

рованного удовлетворения базовых потребностей, отсутствием необходимости бороться за хлеб насущный. На взгляд авторов, в этом одна из предпосылок высокого уровня безработицы среди молодежи и относительно высокого количества суицидов именно в развитых странах.

Два аспекта современной культуры подпитывают актуальность вопроса о смысле жизни. Во-первых, это возрастающая тенденция формирования аддиктивных (зависимых) форм поведения личности. Проблема аддикции выходит из сферы частного интереса и обретает массовый характер. Аддиктология утверждает, что в основе «механизма» формирования зависимо-

сти лежит уход от реальности и потребность в принятии определенной воображаемой роли. В процессе развития зависимости у человека сужается круг интересов, оттесняются высшие потребности и установки личности, разрушается смысловая сфера личности, формируется «смысловой вакуум» [Брюн Е.А., Цветков А.В., 2014, с. 172–173].

Во-вторых, особая атмосфера нашей эпохи создается девальвацией смысла. Большинство современных людей так или иначе, в той или иной форме знают о существовании различных концепций смысла жизни. Такие философские концепции смысла жизни как аскетическая, стоическая, гедонистическая, эвдомонистическая, деонтологическая, гуманистическая, экзистенциальная давно вышли за рамки философских школ и стали частью массовой культуры [Lokhov S.A. et al., 2018]. При этом можно с уверенностью утверждать, что информированность и доступность знания о смысле жизни не делает нашу жизнь более осмысленной.

Современная аналитическая философия активно обращается к проблеме смысла жизни, вокруг которой вырастает целое сплетение новых подходов и концепций. Основополагающими ответами на запрос о смысле жизни сегодня являются: нигилизм, натурализм, супранатурализм [Hosseini R., 2015, p. 3]. Нигилизм предполагает отсутствие ответа на вопрос о смысле жизни, а в большей степени — бессмысленность самого вопрошания. Натурализм — это попытка ответить на данный вопрос, опираясь на материалистический подход и его ценности. Супранатурализм указывает на смысл жизни, определяемый сверхъестественным, божественным миром. Рассмотрению дилеммы натурализм — супранатурализм посвящен пункт 2, а для лучшей иллюстрации возникающей антиномии предложен мысленный эксперимент «Спасти Сизифа».

Несмотря на попытки супранатурализма монополизировать поиски смысла жизни [Bennett-Hunter G., 2016], натурализм активно вторгается на данное поле исследований и предлагает множество вариантов ответа на данный вопрос. Здесь мы должны в первую очередь проанализировать, насколько возможна и оправдана сама постановка вопроса о смысле жизни в натурализме (рассмотрено в пункте 4). Далее, приходя к утвердительному выводу, мы обращаемся к систематизации разнородных натуралистиче-

ских подходов, выстроенных по нескольким линиям. Во-первых, это разделение подходов к смыслу жизни по источнику ответа: трансцендентный, существующий за пределами жизни человека, и имманентный, находимый в самой нашей жизни. Это разделение также часто преподносится как «смысл *жизни* – смысл *в жизни*». Во-вторых, это отношение к предмету, существует ли смысл независимо от вопрошающего субъекта: объективный (смысл существует независимо от субъекта) и субъективный (смысл существует только у субъекта и для субъекта); здесь выделяется также гибридный взгляд. Далее, по предопределенности ответа: свободно создаваемый субъектом или навязанный субъекту внешним воздействием.

Проведение такой классификации позволяет осознать антиномию, возникающую в натуралистическом подходе: смысл жизни должен быть одновременно имманентным, объективным (хотя бы в определенной степени) и свободно принимаемым субъектом. Такое прояснение позволяет наметить путь к разрешению противоречия, пролегающий через корректировку языковых выражений: замене *смысла* жизни на *цель* жизни при вопрошании с позиции натурализма.

Натурализм vs супранатурализм

Нигилизм и супранатурализм представляютходы, во многом осмысленные классической традицией. Принципиальное новаторство мы обнаруживаем в подходе натурализма, который стремится опираться на достижения современных естественных наук в познании природы человека, но с другой — пытается решить исключительно гуманитарную проблему смысла жизни.

Гай Беннетт-Хантер [Bennett-Hunter G., 2016] отстаивает тезис, согласно которому человеческая жизнь обретает смысл с опорой на то, что находится за пределами человеческого существования и является «невыразимым» средствами языка. «Невыразимое» открывается человеку через эмоциональные и эстетические переживания, которые являются основанием для обретения смысла жизни. Однако критики [Metz Th., 2016] указывают на то, что многие аспекты жизни человека, не связанные с божественной сущностью, тем не менее, могут и являются осмысленными.

Мы предлагаем рассмотреть действительность аргумента супранатурализма при помощи мыс-

ленного эксперимента «e2-e4». Игра, как это блестяще демонстрирует Хёйзинга [Хёйзинга Й., 1997], вырывается из обыденной жизненной детерминации, создавая автономное поле смыслов. Вопрос о смысле игры по определению не имеет смысла. Но это как будто не отменяет то, что шахматный ход e2-e4 имеет смысл (не является ошибкой, «зевком»). Несмотря на то, что шахматы бессмысленны, отдельные ходы шахматных фигур вполне имеют смысл. На основании этого эксперимента мы можем уверенно полагать, что отдельные события и ценности в нашей жизни могут обладать смыслом, несмотря на то что в целом жизнь не имеет трансцендентного смысла. «Поиск смысла “до конца” может быть не открытием того, что придает смысл всем другим значимым условиям, а просто всеобъемлющим подсчетом всех существующих или возможных смысловых условий» (перевод наш. — С.Л., Д.М.) [Metz Th., 2016, p. 1256]. То есть смысл жизни создается самой жизнью, как сущность человека создается им самим [Сартр Ж.-П., 2000]. Однако не правильнее ли называть такие локальные смыслы отдельных действий целями, а не смыслами? Насколько оправдан для частных активностей зов трансцендентного, символичность, отличающая «смысл» от «цели», — к этому вопросу вернемся чуть позже.

Если мы подходим к проблеме чисто описательно, социологически и спрашиваем: есть ли вещи, не связанные с богом, которые для некоторого человека являются смыслом жизни? Положительный ответ здесь очевиден. Да, такие вещи существуют, даже если они существуют только в воображении человека. Но лишь до тех пор, пока этот человек не задумался о том, что наделяет его жизнь смыслом.

Возвращаясь к мысленному эксперименту с шахматами, можно сказать: осмысленность даже всех ходов партии (хотя бы одного игрока) отнюдь не наделяет всю игру смыслом. Все ходы могут быть замечательно продуманы и обоснованы, но это не значит, что шахматы имеют смысл, что имеет смысл играть в шахматы. Хотя в реальности шахматы (как и почти любая игра) имеет определенную пользу для увлеченного игрока: развивает логическое мышление, внимательность, способность предвидеть действия другого человека и т.п., но это все трансцендентные смыслы, имеющие значение *вне* шахмат. Шахматы имеют

определенный трансцендентный смысл, но этот смысл никак не связан с осмысленностью отдельного хода как такового внутри самой игры. Поэтому мы можем заключить, что *трансцендентные и имманентные смыслы существуют независимо друг от друга*. Даже если в целом Вселенная имеет некий глобальный смысл, отдельные ее части вполне могут быть бессмысленны (например, являться случайными отклонениями, какими-то стохастическими мутациями, ведущими к уродствам, а не к новым видам). Верно и обратное: осмысленность части при бессмысленности целого.

Мысленный эксперимент «Спасти Сизифа»

Возможности трех основных подходов к смыслу жизни могут быть ясно проиллюстрированы в предлагаемом мысленном эксперименте.

Дано: есть человек Сизиф, который обречен заниматься тяжелым и малоприятным занятием — затаскивать камень на гору. Более того, это занятие бессмысленно, т.к. камень постоянно скатывается, не достигнув вершины. Однако, если он сможет закатить этот камень, то освободится. Но закатить камень невозможно.

Вопрос: при каких условиях жизнь Сизифа наполнится смыслом?

Ответ нигилизма: ни при каких. Он может выбрать между самоубийством или сознательным продолжением абсурдной жизни.

Ответ супранатурализма: он должен верить в бога. Увидев страдания и старания Сизифа, боги смилостивятся и освободят его. Спрашивать, зачем ему нужно было затаскивать этот камень, бессмысленно, т.к. божественный смысл непостижим для человека.

Ответ натурализма: поменять свое отношение к процессу. Это может быть достигнуто химически — физиологическим способом (ввести специальное вещество, которое заставит Сизифа думать, что катание камней — это лучшее в мире занятие; или стирать память после каждой неудачи). Также Сизиф может сам убедить себя в том, что не нужно спрашивать о конечном смысле его работы; нужно сосредоточиться на каждом акте подъема и увидеть, что каждый из них имеет свою цель, значит, и в целом, его жизнь не бессмысленна [Metz Th., 2019]. Также он может увидеть, что его работа каким-то благотворным образом влияет на других людей или даже животных, улучшает экологическую ситуацию.

Вариантов действительно много. Эти варианты всерьез предлагают серьезные исследователи как ответ на вопрос о смысле жизни человека. Но все они перечеркиваются тем фактом, что Сизиф НЕ сможет затащить камень.

Любопытно также допустить, что, если бы условия задачи были вроде бы не существенно модифицированы: Сизиф по-прежнему не мог бы затащить камень, но в каждой попытке существовал определенный прогресс. Точнее не в каждой, а только в некоторых, причем отчасти в случайном порядке (это важно для максимальной выработки дофамина [Sapolsky R.M., 2017]); но, оглядываясь на весь свой пройденный путь, на все свои старания, он бы видел, какой огромный путь проделал, каких достиг высот и совершенства в своем деле. И тогда бы Сизиф был бы не символом бессмысленного страдания, а образцом счастливейшего и целеустремленного человека.

Поэтому формула смысла жизни, предлагаемая натурализмом, в любом случае оказывается очень проста: смысл жизни — асимптота и забывчивость.

Категориальная схема смысла в натурализме

Ответ на вопрос о смысле жизни требует прояснения соотношения со связанными категориями.

В поисках ответа на наш вопрос нужно, во-первых, прояснить: откуда происходит смысл жизни? Исходит ли он от самого человека — мы называем это имманентный смысл, либо приходит откуда-то извне — трансцендентный смысл.

Имманентный подход предполагает, что жизни возникают внутри самой жизни человека, поэтому его часто обозначают как *смысл в жизни*. Трансцендентный же смысл задается как *смысл жизни*, т.е. как рационализованная ценность, которая существует за пределами жизни человека и приходит в жизнь извне.

Совершенно очевидно, что натурализм не может допускать трансцендентные смыслы, т.к. это прямой путь к супранатурализму. Предполагая, что смысл *задан*, тут же возникает вопрос (кем задан?), т.е. некую сверхъестественную сущность.

Характерным примером такой позиции будет эволюционная антропология Эдварда Уилсона. Представляя собой попытку объединить

естественнонаучные и гуманитарные теории о человеке, эта концепция предлагает собственное видение смысла жизни. Эдвард Уилсон в книгах «О природе человека» [Уилсон Э., 2015a], «Смысл существования человека» [Уилсон Э., 2015b] пишет, что если человечество развивалось путем дарвиновского естественного отбора, то наш вид возник благодаря генетическим комбинациям и в силу экологической необходимости, а не по воле Бога. Из этой гипотезы следует, что у человека как биологического вида нет никакой цели, внешней по отношению к его собственной биологической природе. Традиционные религиозные убеждения, моральные принципы, в том числе и потребность в смысле — не что иное как жизненно необходимые механизмы выживания. Понимаемые в такой интерпретации они лишаются какого бы то ни было трансцендентного значения, соответственно, лишая человека трансцендентных целей. Согласно эволюционной антропологии Эдварда Уилсона, «истинная цель человека — это человек» [Уилсон Э., 2015a, с. 45]. Для реализации этой цели человеку необходимо сохранить биоразнообразие как условие существования окружающей среды, в которой наш биологический вид сформировался. Таким образом, проблема смысла в жизни разворачивается уже в контексте экологического содержания, как борьба за сохранение и поддержание жизни на Земле.

Вторым существенным водоразделом в ответах на вопрос о смысле жизни является понимание степени объективности утверждаемого смысла.

Субъективистский подход утверждает, что смысл может быть только в том, что имеет значение для конкретного человека, и нет нужды задаваться вопросом о том, имеет это хоть какое-то значение вовне его. В качестве примера субъективизма можно указать позицию Франкфурта. Он опирается на экзистенциальную аргументацию. Так, например, в случае любви «посвящения себя тому, что любишь, достаточно, чтобы сделать свою жизнь осмысленной, независимо от присущего или объективного характера объектов, которые любишь» (перевод наш. — С.Л., Д.М.) [Frankfurt H., 2002, p. 250]. Схожие мысли мы найдем и в работе Трисель: «поскольку нет никакой predetermined цели

жизни или, по крайней мере, нет никаких доказательств такой цели, единственные цели, которые мы могли бы не достичь, — это те, которые *мы задумали*» (перевод наш. — С.Л., Д.М.) [Trisel В.А., 2002, р. 73]. Трисель ставит вопрос так: если Вселенная безразлична к нам (т.е. объективного смысла нет), приводит ли это к бессмысленности жизни каждого из нас (т.е. означает ли это отсутствие субъективного смысла)? И дает наиболее радикальный ответ на этот вопрос: даже если бы Вселенной и было бы до нас дело, то это, по сути, не отразилось бы на нахождении субъективного смысла, не улучшило бы качество нашей жизни. Такую позицию можно характеризовать как «радикальный субъективизм».

Однако субъективный смысл может быть и не таким безобидным: смысл жизни маньяков, тиранов, геростратов создает угрозу для общества; вправе ли такая жизнь называться осмысленной?

Согласно же чистому объективизму, осмысленность жизни не зависит от субъективных убеждений и желаний: жизнь имеет объективный, независимый от разума и контекста смысл. Например, компания Apple выдвинула в качестве брендового девиза слоган «Мы меняем мир». Таким образом, каждый, кто работает на Apple, знает, что он участник глобального проекта по изменению мира. Для каждого сотрудника Холдинга вне зависимости от степени его участия и должности этот девиз является объективным смыслом жизни. Следствием этого взгляда является то, что чья-то жизнь может быть объективно значимой независимо от того, как этот человек воспринимает свою собственную жизнь. С другой стороны, любая «объективность» — порождение нашего сознания, нашего уровня знаний и методов познания; абсолютная точка зрения для человека недостижима. Поэтому установление подлинной объективности едва ли возможно [Politi V., 2019].

Натурализм пытается преодолеть эту дихотомию, создавая промежуточные позиции. П. Тагард [Thagard P., 2013] утверждает, смысл жизни может быть найден в том, что помогает человеку дать положительную оценку своей жизни. Он показывает, что дискуссия вращается вокруг угла зрения на эту проблему. Так же, как

и подход языковых игр Витгенштейна, которые полностью доступны стороннему наблюдателю и не предполагают «внутреннего знания» смысла слов, натурализм не способен выйти из парадигмы «трудной проблемы сознания». Натурализм обречен на описание человека только от третьего лица, он способен лишь только описательно зафиксировать, что статистически надеяет жизнь людей смыслом. Натурализм говорит о смысле в жизни, но при этом он не способен сказать о смысле жизни как таковом.

С. Вульф [Wolf S., 2010] разрабатывает «гибридный подход», где демонстрирует, что субъективизм (эгоизм) и объективизм (жизнь ради высших ценностей, морального долга) могут сочетаться друг с другом, если жизнь в конечном счете будет направлена на некие позитивные ценности; т.е. они совместимы, если осмысленной понимается жизнь, продвигающая позитивные ценности. Эта концепция включает в себя субъективные и объективные элементы, неразрывно связанные с утверждением позитивных ценностей. Смысл чьей-то жизни «возникает тогда, когда субъективная привлекательность встречается с объективной привлекательностью, и человек способен что-то сделать с ней» (перевод наш. — С.Л., Д.М.) [Wolf S., 2010, р. 26], или «смысл возникает тогда, когда субъективная оценка встречается с объективной ценностью» (перевод наш. — С.Л., Д.М.) [Evers, D., Smeden, G.E. van, 2016, р. 358]. Именно интересубъективное соглашение — то, что придает жизни некую объективную ценность. Для объективизма жертвенное поведение во имя ложных ценностей (ложных для нашей культуры) является полностью бессмысленным. Интересубъективизм же делает вывод об относительной осмысленности такого поведения для конкретного культурного контекста.

Такой подход также не приносит разрешения дилеммы, в его основе лежит стремление к субъективному ощущению счастья, что далеко не всегда будет делать жизнь человека действительно значимой. Релятивизм как гибридной, так и субъективной позиции не способен преодолеть соблазн «Камеры счастья». Камера счастья — мысленный эксперимент, вдохновленный знаменитым нейрофизиологическим экспериментом с воздействием на центры удовольствия крысы [Olds J., Milner P., 1954]. Подопытной

крысе в мозг вживляются электроды, стимулирующие центры удовольствия. Клавиша, замыкающая контакт, выводится в клетку, и крыса может сама управлять подачей напряжения на электроды. В результате, если испытание не прервать, крыса будет наживать клавишу до тех пор, пока не упадет от изнеможения. Экстраполяции данного эксперимента, в том числе и на человека, показывают силу «подлинного» удовольствия, ради получения которого испытуемый готов на любые лишения.

«Камера счастья» — схожая установка, в которую человек входит добровольно, и пребывание в ней не ограничено по времени. Добровольца, назовем его Камерамэн, подключают к аппаратам искусственного жизнеобеспечения, а его мозг — к стимуляторам центров удовольствия (электромагнитным, химическим и др.) Камерамэну дается возможность контроля над процессом: либо продолжить стимуляцию, либо прервать эксперимент. Благодаря искусственному поддержанию жизни Камерамэн может находиться в таком состоянии по крайней мере десятки лет, с помощью правильно подобранного и постоянно увеличивающегося воздействия на мозг, он находится все это время в состоянии беспредельного блаженства.

Камера счастья обеспечивает наивысший уровень удовольствия и счастья, доступный человеку (если вдруг степень блаженства снизится, установка скорректирует программу, введет дополнительные методы воздействия на испытуемого). Любой последовательно мыслящий человек, не признающий объективный смысл жизни (субъективист, представитель гибридной позиции, нигилист), должен стремиться стать Камерамэном. Спросит ли Камерамэн о смысле жизни?

Третий фундаментальный вопрос о направлении поиска смысла состоит в свободе принятия смысла жизни.

Религиозная, культурная, семейная традиции по ходу социализации личности авторитарно закладывают установки на ряд смыслов. Для супранатуралистической позиции смысл безусловно задан. Свобода субъекта может состоять лишь в том, чтобы принять и исполнять этот смысл, либо не понять или оторваться от него.

Для подавляющей части натуралистических подходов возможность свободного принятия

смысла является принципиальной. Если смысл жизни предзадан, навязан человеку извне, тогда в чем наше отличие от материальных вещей, выполняющих свою функцию? «Человек — это прежде всего проект, который переживается субъективно, а не мох, не плесень и не цветная капуста. Ничто не существует до этого проекта, нет ничего на умопостигаемом небе, и человек станет таким, каков его проект бытия» [Сартр Ж.-П., 1990, с. 323]. В то же время свобода в принятии смысла жизни ведет к его субъективизации, потери объективной значимости.

Таким образом, возникает *антиномия натуралистического смысла*: смысл жизни является объективным, имманентным и свободно принимаемым субъектом.

Смысл жизни должен иметь (хотя бы в определенной степени) объективное значение, т.е. не зависеть от человека; но в то же время порождаться самим человеком и свободно приниматься им.

Разрешение антиномии

Может ли быть свободный объективный (имманентный) смысл? Ценность приобретает объективное значение, когда способна воцелить все элементы процесса. Цель является субъективной, пока существует только в сознании субъекта, но когда она запустила деятельность, она начинает приобретать все большую объективность. Цель жизни — это то, что направляет на объективацию субъективные смыслы и ценности. И целью всей жизни она становится в большей степени по мере того, как человек к ней стремится. Свобода здесь не в познании, а *создании* необходимости.

Попытки прояснить значение используемых выражений в дискуссии о смысле жизни осуществляются в современной философии. Например, Джошуа Сичрис [Seachris J., 2019] различает три аспекта смысла жизни: И-Смысл (интеллигибельный, смысл как понимание), Ц-Смысл (цель) и З-Смысл (значение, ценность). Интересно отметить, что такое разделение напоминает триаду целое-цель-ценность. Обычно «смысл жизни» понимается как более широкое понятие, поскольку объединяет все эти аспекты; однако в целях анализа необходимо провести границы между ними. Во-первых, смысл жизни — это осмысленность, смысл вообще,

смысл некоторого знака. Жизнь здесь предстает как некий текст, указывающий, символизирующий нечто большее, чем сам человек. Во-вторых, смысл может быть понят как цель, т.е. устремленность на осознанный результат своих действий. Отдельное действие не бессмысленно, только когда имеет свою цель — идеальный образ конечного результата. Значит и жизнь, как череда связанных действий, тоже должна иметь свою цель. В-третьих, смысл жизни — это значимость моей жизни для чего-то еще: жизнь может быть ориентирована на что-то, представляющее безусловную ценность, ценность бо́льшую, чем сама жизнь.

Самый важный из них для Сичриса — И-Смысл. Установление смысла часто заключается в том, чтобы поместить что-то в более широкий контекст или целое: слова — в предложения, абзацы, романы; музыкальные ноты — в такты, движения, и симфонии (т.е. движение от простого звука к музыке), части фотографии — внутри всей фотографии. Смысл — это понимание в более широком контексте. Отсутствие такого смысла остро ощущается в культуре Макбет – Беккет – Камю. Многие думают, что натуралистическая история Вселенной — это, в сущности, «абсурдная история, рассказанная идиотом». Макбета и Камю не удовлетворят натуралистические ответы на этот вопрос. В то же время, даже если что-то понятно, т.е. дано некое объяснение, оно может быть ложно. Также мы должно допускать, что если смысл есть, то он может быть ужасен и зол. Хотя И-Смысл наиболее фундаментален, ответ должен быть найден на все три вопроса, иначе он будет неполным; такую позицию Джошуа Сичрис называет «смысловой холизм». Что означает возвращение дискуссии о смысле в жизни в уже существующую парадигму.

Поиски смысла жизни могут идти либо онтологическом образом (смысл творится субъектом — *смысл в жизни*), либо гносеологическом путем (познание существующего смысла — *смысл жизни*). Тип вопрошания предопределяет способ ответа на вопрос. Гносеологический подход приводит к детерминированному и объективному смыслу — *смыслу жизни*. Антиномия смысла жизни возникает при попытке соединить в одном ответе онтологический и гносеологический пути. Разрешение антиномии может быть

достигнуто в самом факте познания, факте деятельности. Цель же жизни сочетает необходимые характеристики: объективное значение (ценность) и субъективное (воля) (онтогносеологический подход, ответ на вопросы что? и как?) [Gnatik E.N. et al, 2018].

Заключение

Как было продемонстрировано, современный натурализм, обращаясь к вопросу о смысле жизни, впадает в неизбежную антиномию. Исправление самого вопроса на вопрос о цели жизни позволяет избавиться от этой трудности. «Цель», в отличие от «смысла», предполагает не пассивно-созерцательное отношение к жизни, а активно-деятельностное. Такая деятельность не всегда будет глобальной, это может быть и частная, локальная активность, скажем, обучение игре в шахматы. Связность же частных целей зависит только от выбора самого человека, хочет ли он воспринимать свою жизнь как единое целое, как целостный процесс. В таком случае ему необходимо найти некую глобальную цель, достижению которой он может посвятить всю свою жизнь.

Цель формируется в сознании субъекта, и поэтому является имманентной. Цель трансцендентна деятельности и одновременно имманентна, т.к. присутствует в самой деятельности как то, что придает ей целостность.

Трансцендентная цель есть тогда, когда есть творец и он своим замыслом создает некую сущность для своей цели. Тогда эта сущность полностью предопределена в своем существовании (сущность прежде существования; «нож Сартра»). У этой сущности самой по себе не может быть смысла, она бессмысленна вне задумки творца.

Имманентная цель — то, что создается самим процессом (именно такие цели легитимны в разговоре об эволюции материи). Соответственно, само движение объекта, то направление, которое он выбирает, и становится целью (и с другой стороны, формирует целостность объекта; цель — целостность). Поэтому, если человек нашел смысл жизни, он будет стремиться к некоторой цели. Если же он не стремится, смысл не породил цель, такой смысл растворяется в себе. Однако цель как таковая не существует без деятельности по ее реализации. Именно стрем-

ление ее воплотить дает цели существование, и это существование приобретает объективный характер. Кроме того, цель деятельности — это то, что принимается свободно; принятие цели — это не акт одномоментного выбора, но длящийся процесс по реализации цели. Цель как конечная причина обосновывает выбор «задним числом», уже после ее достижения.

Таким образом, именно смена парадигмы с поиска смысла жизни на выбор цели жизни позволяет избежать патовой ситуации, сложившейся в современной натуралистической философии.

Список литературы

Брюн Е.А., Цветков А.В. Практическая психология зависимости. М.: Наука, 2014. 294 с.

Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. М.: Республика, 2000. 640 с.

Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм / пер. с фр. А.А. Санина // Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж.-П. Сумерки богов / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. М.: Политиздат, 1990. С. 319–344.

Уилсон Э. О природе человека / пер. с англ. Т.О. Новиковой. М.: Кучково поле, 2015. 352 с.

Уилсон Э. Смысл существования человека / пер. с англ. О.Ю. Сивченко. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 216 с.

Хёйзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры / пер. с голл. Д.В. Сильвестрова. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.

Bennett-Hunter G. Ineffability and Religious Experience. N.Y.: Routledge, Taylor & Francis Group, 2016. 224 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315654119>

Evers D., Smeden G.E. van. Meaning in life: In defense of the hybrid view // The Southern Journal of Philosophy. 2016. Vol. 54, iss. 3. P. 355–371. DOI: <https://doi.org/10.1111/sjp.12179>

Frankfurt H. Reply to Susan Wolf // The contours of agency: Essays on themes from Harry Frankfurt / ed. by S. Buss, L. Overton. Cambridge, MA: The MIT Press, 2002. P. 245–252. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/2143.003.0027>

Gnatik E.N., Lohov S.A., Mamchenkov D.V., Matyushova M.P. The Hard Problem of Consciousness in the Light of Onto-Gnoseological Uncertainty // Scientia et Fides. 2018. Vol. 6, no. 2. P. 101–113. DOI: <https://doi.org/10.12775/setf.2018.013>

Hosseini R. Wittgenstein and Meaning in Life: In Search of the Human Voice. London: Palgrave Macmillan, 2015. 190 p. DOI: <https://doi.org/10.1057/9781137440914>

Lohov S.A., Mamchenkov D.V., Tavberidze D.V. The Meaning of Life as a Subject of Philosophical Reflection // Proceedings of the 3rd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities (ICCESSH 2018). Paris: Atlantis Press, 2018. P. 63–67. DOI: <https://doi.org/10.2991/iccessh-18.2018.15>

Metz Th. Is Life's Meaning Ultimately Unthinkable?: Guy Bennett-Hunter on the Ineffable // Philosophia. 2016. Vol. 44, iss. 4. P. 1247–1256. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11406-015-9654-y>

Metz Th. Recent work on the meaning of «life's meaning»: Should we change the philosophical discourse? // Human Affairs. 2019. Vol. 29, iss. 4. P. 404–414. DOI: <https://doi.org/10.1515/humaff-2019-0035>

Olds J., Milner P. Positive reinforcement produced by electrical stimulation of septal area and other regions of rat brain // Journal of Comparative and Physiological Psychology. 1954. Vol. 47, iss. 6. P. 419–427. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0058775>

Politi V. Would My Life Still Be Meaningful? Intersubjectivism and Changing Meaning in Life // Human Affairs. 2019. Vol. 29, iss. 4. P. 462–469. DOI: <https://doi.org/10.1515/humaff-2019-0041>

Sapolsky R.M. Behave: The Biology of Humans at Our Best and Worst. N.Y.: Penguin Press, 2017. 800 p.

Seachris J. From the meaning triad to meaning holism: Unifying life's meaning // Human Affairs. 2019. Vol. 29, iss. 4. P. 363–378. DOI: <https://doi.org/10.1515/humaff-2019-0031>

Thagard P. Nihilism, skepticism, and philosophical method: A response to Landau on coherence and the meaning of life // Philosophical Psychology. 2013. Vol. 26, iss. 4. P. 619–621. DOI: <https://doi.org/10.1080/09515089.2012.696330>

Trisel B.A. Futility and the meaning of life debate // Sorites. 2002. Vol. 14. P. 70–84.

Wolf S. Meaning in life and why it matters. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2010. 162 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9781400834594>

References

Bennett-Hunter, G. (2016). *Ineffability and religious experience*. New York: Routledge, Taylor & Francis Group Publ., 224 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315654119>

Brun, E.A. and Tsvetkov, A.V. (2014). *Prakticheskaya psikhologiya zavisimosti* [Practical psychology of addiction]. Moscow: Nauka Publ., 294 p.

Evers, D., Smeden, G.E. van (2016). Meaning in life: In defense of the hybrid view. *The Southern Journal of Philosophy*. Vol. 54, iss. 3, pp. 355–371. DOI: <https://doi.org/10.1111/sjp.12179>

Frankfurt, H. (2002). Reply to Susan Wolf. *S. Buss, L. Overton (eds.) The contours of agency: Essays on themes from Harry Frankfurt*. Cambridge, MA: The MIT Press, pp. 245–252. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/2143.003.0027>

Gnatik, E.N., Lokhov, S.A., Mamchenkov, D.V. and Matyushova, M.P. (2018). The hard problem of consciousness in the light of onto-gnoseological uncertainty. *Scientia et Fides* [Science and Faith]. Vol. 6, no. 2, pp. 101–113. DOI: <https://doi.org/10.12775/setf.2018.013>

Hosseini, R. (2015). *Wittgenstein and meaning in life: In search of the human voice*. London: Palgrave Macmillan Publ., 190 p. DOI: <https://doi.org/10.1057/9781137440914>

Huizinga, J. (1997). *Homo ludens. Stat'i po istorii kul'tury* [Homo ludens]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 416 p.

Lokhov, S.A., Mamchenkov, D.V. and Tavberidze, D.V. (2018). The meaning of life as a subject of philosophical reflection. *Proceedings of the 3rd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities (ICCESSH 2018)*. Paris: Atlantis Press, pp. 63–67. DOI: <https://doi.org/10.2991/iccessh-18.2018.15>

Metz, Th. (2016). Is life's meaning ultimately unthinkable?: Guy Bennett-Hunter on the ineffable. *Philosophia*. Vol. 44, iss. 4, pp. 1247–1256. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11406-015-9654-y>

Metz, Th. (2019). Recent work on the meaning of «life's meaning»: Should we change the philosophical discourse? *Human Affairs*. Vol. 29, iss. 4, pp. 404–414. DOI: <https://doi.org/10.1515/humaff-2019-0035>

Olds, J. and Milner, P. (1954). Positive reinforcement produced by electrical stimulation of septal area and other regions of rat brain. *Journal of Comparative and Physiological Psychology*. Vol. 47, iss. 6, pp. 419–427. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0058775>

Politi, V. (2019). Would my life still be meaningful?: Intersubjectivism and changing meaning in life. *Human Affairs*. Vol. 29, iss. 4, pp. 462–469. DOI: <https://doi.org/10.1515/humaff-2019-0041>

Sapolsky, R.M. (2017). *Behave: The biology of humans at our best and worst*. New York: Penguin Press, 800 p.

Sartre, J.-P. (1989). [Existentialism is a humanism]. *Nitsche F., Freyd Z., Fromm E., Kamyu A., Sartr Zh.-P. Sumerki bogov* [Nietzsche F., Freud Z., Fromm E., Camus A., Sartre J.-P. Twilight of the gods]. Moscow: Politizdat Publ., pp. 319–344.

Sartre, J.-P. (2000). *Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and nothingness: The experience of phenomenological ontology]. Moscow: Respublika Publ., 640 p.

Seachris, J. (2019). From the meaning triad to meaning holism: Unifying life's meaning. *Human Affairs*. Vol. 29, iss. 4, pp. 363–378. DOI: <https://doi.org/10.1515/humaff-2019-0031>

Thagard, P. (2013). Nihilism, skepticism, and philosophical method: A response to Landau on coherence and the meaning of life. *Philosophical Psychology*. Vol. 26, iss. 4, pp. 619–621. DOI: <https://doi.org/10.1080/09515089.2012.696330>

Trisel, B.A. (2002). Futility and the meaning of life debate. *Sorites*. Vol. 14, pp. 70–84.

Wilson, E.O. (2015). *O prirode cheloveka* [On human nature]. Moscow: Kuchkovo Pole Publ., 352 p.

Wilson, E.O. (2015). *Smysl sushchestvovaniya cheloveka* [The meaning of human existence]. Moscow: Al'pina Non-fikshn Publ., 216 p.

Wolf, S. (2010). *Meaning in life and why it matters*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 162 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9781400834594>

Об авторах

Лохов Сергей Александрович

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры онтологии и теории познания

Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы,
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: lokhov_sa@rudn.ru
ResearcherID: A-6747-2017

Мамченков Дмитрий Валерьевич

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры онтологии и теории познания

Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы,
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: mamchenkov-dv@rudn.ru
ResearcherID: T-6011-2019

About the authors

Sergey A. Lokhov

Candidate of Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department
of Ontology and Theory of Knowledge

Patrice Lumumba Peoples' Friendship
University of Russia,
6, Miklukho-Maklay st., Moscow, 117198, Russia;
e-mail: lokhov_sa@rudn.ru
ResearcherID: A-6747-2017

Dmitry V. Mamchenkov

Candidate of Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department
of Ontology and Theory of Knowledge

Patrice Lumumba Peoples' Friendship
University of Russia,
6, Miklukho-Maklay st., Moscow, 117198, Russia;
e-mail: mamchenkov-dv@rudn.ru
ResearcherID: T-6011-2019